

НОСТАЛЬГИЯ

Заезжий двор. Ночная темнота.
В усадьбе Фета наступает осень.
Ну почему меня туда уносит?
Моя ли родина орловские места?

Открыли номер. Могут быть клопы.
А за стеною льются разговоры —
О видах на зерно, о земстве, о соборах.
Дьяк, прасол и студент сомкнули лбы.

Чай принесли. Зовут сразиться в карты.
«— Я не играю». «— Виноват». «— Ничуть».
Немного рома. С книжкой Энгельгардта
Общинных дел откроется мне суть.

А завтра б лошадей пораньше — и в дорогу.
Наверно, шлях размыт, да это не беда.
Задую свечку, помолюся Богу.
Покой и сон. Так было бы всегда!

Россия, спи, не скоро страшный год!
А может быть, еще и пронесет...

ИЗ ПИСЬМА ДРУГУ

...Ты говоришь: мы мало значим,
могли бы жизнь прожить иначе
и в чем-то больше преуспеть.

Но вспомни, кто поднялся в гору,
чтобы бежать за ними сворой
и от стыда не умереть!

Чем так витийствовать и княжить,
уж лучше онеметь, бродяжить,
запоем пить, сойти с ума.
Как строить прочные хоромы,
когда душа не знает дома?
Нет, лучше посох и сума!

Смотри, какие превращенья,
какой идет круговорот:
былой успех стал пораженьем,
их возвышенья — униженьем,
позором — слава и почет.

Мы ж не стремились в командиры,
не обещали брать преград
и презирали все мундиры —
теперь уж поздно на парад!

В КОНЦЕ БИОГРАФИИ

Замучил мать, растлил своих детей,
Пугал соседей буйством и пожаром,
Иконы сжег, добро спустил задаром,
С ворами znalся, отвратив друзей.

Как пес приبلудший, старый и больной,
Со всех сторон он слышит поношенья.
За доброту не выдать одряхленье
И жалости не вызвать слепотой.

Смеются дети над его концом.
Они его фамилии стыдятся,
Клянут его, между собой рядятся,
Увы, не видя, что горит их дом!

В МУЗЕЕ

Словно сон разбитый,
облетевший цвет,
за стеклом немывтым
законный свет.

Каменные боги,
ржавые мечи...
Ничего не трогай,
думай — и молчи!